

УДК 930.1

Удальцов В.Г.*Счётная палата Российской Федерации (г. Москва)***К ВОПРОСУ О МЕТАФИЗИЧЕСКИХ АБСТРАКЦИЯХ В ИСТОРИИ**

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать, опираясь на методологические приёмы философского анализа, метафизические абстракции в истории. С этой целью выделены содержательно-сущностные признаки метафизики и абстракции, обобщение которых позволило через ряд позиций раскрыть суть метафизических абстракций истории. Рассмотрены некоторые концепции исторического процесса, носящие метафизически абстрактный характер, что при их применении порождает неточности в подходах к историческим явлениям. В заключение отмечается, что общим для концепций, основанных на метафизике и абстракции, является вольное или невольное формирование искажённой картины истории, представление её неполной, односторонней, однозначной, неразвивающейся.

Ключевые слова: метафизические абстракции, философский анализ, содержательно-сущностные признаки, сущность, концепции.

V. Udaltsov*The Accounts Chamber of the Russian Federation (Moscow)***TO THE ISSUE OF METAPHYSICAL ABSTRACTIONS IN HISTORY**

Abstract. The article attempts at researching the metaphysical abstractions in history by means of methodologies of philosophical analysis. The content- essential features of metaphysics and abstraction were identified and through them the essence of the metaphysical abstractions in history was disclosed. Some metaphysically abstract concepts of historical development and their malfunction in approaching historical events are revealed. In conclusion the author notes that the general feature of metaphysical and abstract concepts is willing or unwilling formation of a distorted picture of history, presenting it as incomplete, one-sided, uniform and non-developing.

Key words: metaphysical abstractions, philosophical analysis, content- essential features, essence, concepts.

Решение вопроса об истинности исторического знания, который стоит в центре философских проблем научного познания прошлого, связано с преодолением метафизически абстрактных взглядов на исторические процессы, нередко порождающих неточности в подходах к их пониманию.

Однако, предваряя разговор о метафизических абстракциях в истории, было бы логично определиться с тем понятием, которое выражает их суть – с **метафизикой**.

© Удальцов В.Г., 2014.

Как известно, это понятие вошло в научный оборот с лёгкой руки александрийского библиотекаря Андроника Родосского ещё в I веке до н. э. С тех пор данный феномен, став философской традицией, прошёл длинный и непростой путь своего существования, вехами которого стали учения, закладывавшие и сегодня в него разный смысл.

В ходе исторических метаморфоз своего содержания понятие метафизики последовательно фиксировало в них: учение, идущее за физикой; совпадение метафизики с философией или позиционирование её как части последней; включение в состав метафизики онтологии, космологии, теории познания или в целом её отождествление с онтологией; изначальную направленность мысли на трансцендентное; науку, ищущую во всей смене явлений нечто постоянное и т.д. [7, т. II, с. 545–546; 8, с. 417–419; 14, с. 277; 15, с. 363; 16, с. 265; 17, с. 9–0].

Несмотря на имеющиеся различия между исторически сложившимися вариациями понятия рассматриваемого явления, всем им в той или иной мере присущи основные содержательно-сущностные признаки метафизики. Их можно, опираясь на ряд существующих в литературе точек зрения на этот феномен, свести, на наш взгляд, к следующему:

– во-первых, это идеалистическое по своему характеру философское учение о мире невещественном;

– во-вторых, это учение о неизменных и недоступных познанию первоначалах и высших причинах всего сущего, о предельных сверхчувственных основаниях бытия;

– в-третьих, это специфический, противоположный диалектике фило-

софский метод и способ мышления, обязанный своим появлением и существованием односторонности в познании;

– в-четвёртых, это учение, рассматривающее явления действительности в состоянии покоя и устойчивости, повторяемости, вне движения и изменения;

– в-пятых, это учение, отрицающее всеобщую связь явлений, рассматривающее их разрозненно, как независимые, находящиеся в отрыве друг от друга феномены, вне их взаимных связей;

– в-шестых, это учение, отрицающее внутренние противоречия как источник развития явлений и обосновывающее нахождение последнего вне этих феноменов;

– в-седьмых, это учение, которому свойственно преувеличение каких-либо отдельных сторон в явлениях;

– в-восьмых, это что-либо отвлечённое, умозрительное и поэтому малоопытное, ведущее в сторону от истины [1, т. 2, с. 272; 2; 4, с. 183; 9, с. 299–300; 13, с. 796; 14, с. 277; 17, с. 10].

К метафизике нередко приводит абсолютизация такой стороны познавательного процесса, как способность человека к абстракции. Поэтому приведённые выше точки зрения на суть метафизики необходимо, если мы хотим оставаться последовательными, дополнить содержательно-сущностными признаками абстракции, сформулировав их в свете имеющихся в научной литературе трактовок сути этого понятия в качестве следующих выводов об этом феномене:

– вывод 1: это мысленное отвлечение от ряда свойств явлений и связей между ними с целью выделения существенных и закономерных признаков;

– вывод 2: это произвольное, отвлечённое от реалий конструирование знаний об объекте;

– вывод 3: это теоретическое обобщение, взятое вне связи с конкретными явлениями и выражающее какие-либо общие их признаки;

– вывод 4: это понятие, противоположное конкретному и, в отличие от него, выступающее как нечто одностороннее, неразвитое;

– вывод 5: это понятие, обозначающее одно из действенных средств процесса познания, играющее важную гносеологическую роль, как необходимое условие образования самых различных понятий, без чего невозможно раскрытие сущности, проникновение в глубь явлений;

– вывод 6: это понятие, взятое для обозначения вполне определённого направления мыслительного процесса, ведущего к расчленению явления, выделению в нём существенных сторон, их всестороннему анализу в «чистом» виде [1, т. 1, с. 48; 4, с. 11; 6, с. 15; 7, т. I, с. 16–19; 8, с. 2–3; 9, с. 17–18; 10, с. 8; 13, с. 10; 14, с. 5].

Если попытаться обобщить некоторые из этих выводов, то нельзя не согласиться с профессором А.А. Кокориным, что абстрагирование является средством решения различных задач, в том числе и в сфере научного поиска. Однако в последнем случае, если данное средство формируется на базе метафизики, то оно не может выполнить эту роль. Она под силу лишь диалектической абстракции, которая способна решить проблему выделения сущностных признаков явлений и процессов [3, с. 170]. Добавим к этому тезису то, что метафизика, являясь идеалистическим философским учением, нередко

спекулирует на трудностях, присущих абстрагирующей деятельности мышления, и пытается трансформировать её продукцию (идеи, понятия) в первоначала и высшие причины всего сущего.

Подытоживая всё вышесказанное о метафизике и абстракции, можно суть метафизических абстракций, экстраполируя её при этом на историю, представить следующими позициями:

– первая позиция: метафизические абстракции оторваны от реальных явлений и процессов исторической действительности, не имеют с ней ничего общего;

– позиция вторая: они не отражают суть происшедших в прошлом событий;

– позиция третья: они в силу первого и второго являются средством производства необъективных представлений об исторических явлениях, об историческом процессе в целом;

– позиция четвёртая: они в своей совокупности создают некорректную картину хода исторического развития, искажают её;

– позиция пятая: метафизические абстракции, создавая эту иллюзорную картину, негативно воздействуют на процесс познания истории, затрудняют поиск оптимальных вариантов решения сложных задач изучения прошлого.

Опираясь на обозначенные позиции, рассмотрим несколько концепций истории (учитывая ограниченность текстового пространства данной статьи), которые представляются нам как **метафизические абстракции**, и попытаемся это обосновать.

Так, согласно одной из этих концепций субъектом истории, выступающим одновременно и объектом позна-

ния для исторической науки, является *каждый отдельный человек*. При этом сторонники этой точки зрения исходят из верной в целом посылки, что историю делают люди. Они считают, как отмечает профессор Ю.И. Семенов, что только тогда, когда историческая наука познает всё о каждом из живших в прошлом на земле людей, т.е. всю совокупность его мыслей и чувств, его взаимодействий с другими людьми, только тогда и можно будет рассчитывать на всю полноту исторического познания [11, с. 10–11].

Однако существует ряд обстоятельств, вызывающих обоснованные сомнения в правомерности такой позиции.

Во-первых, наука не способна знать каждого из тех миллиардов людей, когда-то прошедших свой жизненный путь, тем более знать о нём всё. Предположить, что учёный разыщет в прошлом именно того человека «X», который изобрёл колесо, и нарисует его полный портрет, наверное, слишком смело даже для самой безудержной фантазии.

Во-вторых, отдельное не может быть без общего, без содержащихся в нём условий, причин и оснований для его существования, иначе теряется сам смысл отдельного. Применительно к истории попытки выделить отдельного человека и познать его вне исторического времени, вне исторического пространства, вне конкретных исторических явлений, есть не что иное, как абстракция.

В-третьих, такой же абстракцией, уходом от конкретного выглядят попытки познать отдельного индивида вне общества, отвлекаясь от той исторической реальности, в которой он находился в прошлом.

В-четвёртых, исторической науке для понимания исторического процесса и не нужно познавать именно отдельного человека. Индивид, искусственно выделенный из его социума, «вырванный» из системы взаимодействий с другими людьми и оказавшийся в «безлюдном пространстве», не способен в одиночку «производить» исторические события, менять ход истории, становиться гением или злодеем для общества, даже продлевать существование рода человеческого. Не случайно говорят, что один в поле не воин. Всё то значительное, что делал человек в своей жизни, было обусловлено его отношениями с другими людьми. Попытка познать жизнедеятельность отдельного человека в прошлом вне его тесных взаимосвязей и взаимодействий с другими людьми имеет под собой метафизическую платформу.

В-пятых, историческую науку интересует отдельный человек как совокупность всех общественных отношений, как индивид, реализующий свои функции не в одиночку, а будучи включённым в определённое социальное объединение, которое и является совокупным субъектом истории и соответственно объектом исторической науки. Кстати, и сами сторонники рассматриваемой точки зрения, испытывая трудности в её последовательном проведении, оговариваются порой, что речь у них идёт не о человеке как таковом, а о связанных между собой людях, образующих реальные коллективы.

Таким образом, опираясь на приведённые выше обстоятельства, можно сделать вывод о том, что попытки выделить отдельного человека из его земного социального окружения и

познать его вне тесных взаимосвязей с другими людьми погружают нас в мир метафизических абстракций.

Следующая концепция связана с пониманием исторического процесса, его содержанием и направленностью. Суть её заключается в следующем: *историческое пространство «заселено» самобытными автономными образованиями, каждое из которых имеет абсолютно самостоятельную историю и проходит в своём развитии, обусловленном органическим принципом, этапы возникновения, расцвета и гибели.* Ушедших в «небытие» сменяют новые, которые проходят в своём развитии точно такой же цикл (отсюда и концепции, основанные на этой идее, получили наименование «циклических», одной из интерпретаций которых выступает в настоящее время «цивилизационный» подход к истории). Данные взгляды обосновывали в своих трудах, каждый по своему, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, П.А. Сорокин, Л.Н. Гумилёв, С.Ф. Хантингтон и др.

Несмотря на целый ряд выдвинутых ими положений, значительно обогативших науку, согласиться с этими учёными можно далеко не во всём. В этой связи, в частности, попытаемся показать метафизичность и абстрактность изложенных выше посылов.

Во-первых, уже само утверждение о существовании в истории самобытных, неповторимых, замкнутых, оторванных друг от друга образований (цивилизаций), говорит о признании отсутствия между ними всяких связей и взаимовлияний. Но на деле взаимовлияние и связи между отдельными обществами (цивилизациями) всегда существовали. Как по горизонтали (между одновременно существовав-

шими) – в виде торгового и культурного обмена, соперничества и т.д., так и по вертикали – влияние, например, древнеегипетской культуры на древнегреческую, древнеримской на европейскую и т.д. Со временем связи становились всё более тесными и, наверное, было бы абсурдно говорить о наличии в наше время полностью независимых друг от друга цивилизаций. Скорее пристало бы говорить об их постепенном слиянии и о становлении на наших глазах единой мировой цивилизации.

Во-вторых, раз общество в целом представляет собой простую арифметическую сумму цивилизаций как полностью самостоятельных исторических единиц, а не целостное образование, то и всемирная история представляет собой сумму их совершенно самостоятельных историй, несоединимых в единый поток процессов их развития. Если согласиться с этой точкой зрения, то при её последовательном проведении рассмотрение всемирной истории как единого процесса исторического развития человечества в целом становится невозможным.

В-третьих, возникающая возможность полного отрицания единства человеческой истории, представления её как простой суммы параллельно протекающих самостоятельных процессов развития отдельных обществ, отменяет вопрос о существовании стадий всемирной истории, их последовательной смены в масштабе человечества. Всё это подменяется чередованием исторических единиц, которые совершают свой цикл развития, после чего сходят с исторической сцены. Это, в конечном счёте, приводит к абсолютизации прерывности всемирной истории.

В-четвёртых, абсолютизация прерывности в развитии человечества в целом может означать, что каждому вновь появившемуся на исторической арене автономному образованию приходится всё начинать как бы с нуля. Тем самым, по сути дела, отвергается преемственность в историческом развитии общества в целом, которое выливается в бесконечную повторяемость, в круговорот, в движение всемирной истории по кругу.

В-пятых, идеи о бесконечной повторяемости историй уникальных, самостоятельно развивающихся образований, на которые история человечества раздроблена в пространстве и времени, о движении по кругу сводят развитие общества в целом к плоской эволюции, лишённой внутренних противоречий и революционных скачков. Всё это неизбежно приводит к выводу о невозможности поступательного прогрессивного развития человечества в целом. К выводу, оторванному от анализа реалий исторической действительности.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что отмеченные выше посылы в силу их метафизичности и абстрактности могут в своей совокупности исказить картину всемирной истории, что негативно отразится на процессе её познания. Как справедливо заметил по этому поводу профессор Н.И. Смоленский, изучение истории с цивилизационной точки зрения не даёт возможности рассматривать её как процесс, а не как простую арифметическую сумму цивилизаций. Отсюда все попытки формировать общее теоретическое понимание истории, игнорируя динамику её развития как процесса качественно неповторимых и

поэтому необратимых перемен, будут в любом случае неадекватной формой понимания логики исторического развития [12, с. 69–70].

С поиском движущих сил истории связана концепция демографического детерминизма. В разные времена в той или иной степени дань своего внимания этому направлению отдали Дж. Вико, Э.-Г. Морелли, К.А. Гельвеций, Л. Гумплович, Д.И. Менделеев, А.А. Богданов, Р. Карнейро, Дж. Саймон и др. Суть концепции сводится к тому, что *главной движущей силой, определяющей ход истории, объявляется такой естественный фактор, как динамика народонаселения.*

Но так ли это? Думается, что, несмотря на то рациональное зерно, которое содержится в этой концепции, абсолютизация роли фактора населения в истории является метафизической абстракцией, искажающей картину развития общества. Попробуем обосновать это положение.

Во-первых, рост народонаселения сам по себе не даёт ответа на вопрос, каким образом он может сыграть определяющую роль в процессе смены одного общественного строя другим общественным строем. Во всяком случае, явно не увеличение населения стало главным фактором перехода Англии от феодализма к капитализму или свершения Великой французской буржуазной революции. Да и распропагандированная в Германии накануне Второй мировой войны необходимость в обеспечении для растущей немецкой нации нового жизненного пространства имела мало общего с истинными причинами этого исторического события.

Во-вторых, если бы рост народонаселения являлся определяющей силой

общественного развития, то более высокая плотность населения, как отмечалось в одном из трудов по историческому материализму, обязательно должна была вызвать к жизни соответственно более высокий тип общественного строя [5]. Иначе говоря, страны с большей плотностью населения стояли бы на более высокой ступени своего экономического, политического и социального развития, чем страны с меньшей плотностью населения. Однако на деле это предположение не подтверждается. Так, плотность населения в Непале более чем в шесть раз выше, чем в США. Но последние, будучи мировой капиталистической державой, занимают значительно более высокую строчку в рейтинге общественного развития, чем Непал (который характеризуется слаборазвитой экономикой), где господствует полуфеодальный строй. Словом, ни плотность населения, ни его динамика не способствуют выяснению вопроса, почему в одном обществе существует один строй, одни порядки, а в другом – иной строй, иные порядки.

В-третьих, не сама динамика населения определяет характер общества, а наоборот. Численность населения во многом зависит от обеспеченности общества средствами существования, то есть от экономики. Во взаимоотношениях последней с численностью населения экономика играет ведущую роль.

В-четвёртых, в настоящее время динамика народонаселения всё более регулируется демографической политикой, проводимой в том или ином государстве и обусловленной уровнем его развития, прежде всего экономического.

Таким образом, рост народонаселения не может быть главной силой развития общества, влияние первого на последнее не является определяющим. Этот вывод даёт основание для того, чтобы позицию абсолютизации роли фактора населения в истории квалифицировать как метафизическую и достаточно абстрактную, оторванную от реалий исторической действительности.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в статье были представлены лишь некоторые из многочисленных метафизических абстракций в истории. Их список значительно шире и, кроме того, он постоянно может пополняться новыми концепциями, произрастающими на почве метафизики и абстракции. Вместе с тем, следует обратить внимание, что общим для авторов всех этих концепций является вольное или невольное формирование искажённой картины истории, представление её неполной, односторонней, однозначной, неразвивающейся.

Это мало способствует постижению истины при исследовании исторического процесса. Поэтому очень важно знать о существовании таких абстракций, уметь их выявлять, чтобы в результате исследования исторических явлений избежать искажения последних.

Здесь свою помощь может оказать общенаучный, философский анализ истории. Как совокупность приёмов, сформированных на базе содержания научных философских категорий, он способен, в частности, расчленив ту или иную концепцию исторического процесса на составляющие элементы, комплексно и системно представить их содержательно-сущностные

признаки. Сравнение последних с отмеченной выше сущностью метафизических абстракций позволит разобратся с их природой и сделать вывод как о целесообразности применения данной концепции в историческом исследовании, так и степени корректности основанной на ней интерпретации какого-либо исторического события, процесса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1, 2. – М.: Олма-Пресс, 2003.
2. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
3. Кокорин А.А. Экономика: философский анализ. – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – 264 с.
4. Краткий словарь иностранных слов / Сост. С.М. Локшина. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 384 с.
5. Кропотков Д. Марксизм и проблема движущих сил истории [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.left.ru> (дата обращения: 14.10.2013).
6. Куликов Л.М. Экономическая теория: учебник. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 432 с.
7. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. I, II / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010. – 744 с. / 634 [2] с.
8. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.- корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 797 с.
10. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФА-М, 2008. – 512 с.
11. Семенов Ю.И. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
12. Смоленский Н.И. Историческое образование и историческая теория // Новая и новейшая история. – 2000. – № 5. – С. 69–70.
13. Советский энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров – Изд. 4-е. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с.
14. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
15. Философский энциклопедический словарь / Ланда Н.М. и др. (ред.) – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
16. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский [и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 576 с.
17. Халаписис А.В. Постнеклассическая метафизика истории: монография. – Днепропетровск: Изд-во «Иновация», 2008. – 278 с.